

воды с арабского Симеона Сифа в области медицины и фармакологии. Однако переводы эти носили тогда спорадический характер. В палеологовский же период влияние восточной и западной науки коснулось практически всех областей знания, они свободно воспринимались византийскими учеными. Одновременно происходил и обратный процесс — Византия оказывала влияние на развитие духовной культуры Западной Европы, которая заново открыла для себя научное богатство греческой античности⁷⁵. Достаточно вспомнить Георгия Гемиста Плифона, впервые познакомившего итальянских гуманистов с географическим сочинением Страбона, и это знакомство в западном мире в какой-то степени подготовило идею о возможности кругосветного плавания⁷⁶. Падение империи дало стимул греческой диаспоре. Образованная элита Византии эмигрировала на Запад, увозя свои рукописи и традиции эллинистической образованности⁷⁷. «Graecia nostro exilio transvolavit Alpes» — эти слова Иоанна Аргиропула стали символом времени. {375}

16

Развитие географии в поздней Византии

Ученые палеологовского времени унаследовали от предшественников идею сферичности Земли и небес как единственно приемлемую для объяснения устройства Вселенной. Из этой идеи исходят авторы всех значительных астрономических произведений, созданных в поздней Византии, — Георгий Пахимер (в соответствующих разделах «Квадривиума»), Феодор Метохит (во «Введении в астрономию»); Димитрий Триклиний (в трактате «О луне»), Феодор Мелитиниот (в «Троекнижии») и др. Поздневизантийские ученые хорошо знали работы своих непосредственных предшественников — Михаила Пселла, Евстратия Никейского, Симеона Сифа (о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописи XIII—XV вв.). В XIII в. Никифор Влеммид составил парафразу сочинения Симеона Сифа и включил ее под названием «История земли» в свой учебник физики (GGM. II. P. 469—470). О высоком авторитете космографических концепций средневизантийского периода не только в самой империи, но и за ее пределами говорит тот факт, что в XV в. Константин Костенечский — болгарский книжник, работавший при дворе сербского деспота Стефана Лазаревича (1389—1427), — подготовил хрестоматию «Отрывки по космографии и географии» на основе переведенных им с греческого на болгарский выдержек из произведений Симеона Сифа, Михаила Пселла и др.¹ Греческие ученые сохраняли интерес к Стефану Византийскому (VI в.): ссылки на его труд «Этника» встречаются у ряда авторов XIII—XV вв.²

Но особый пietet географы поздней Византии испытывали к классическому античному наследию. Конкретные географические идеи древности продолжали жить в византийской научной традиции, продолжали изучаться и труды античных географов. Тот же Никифор Влеммид³, опираясь на труд Дионисия Периегета, написал небольшое сочинение «Всеобщая география» (GGM. II. P. 458—468). В 40-х годах XV в. эллинизованный итальянец из Фокеи

// Изв. АН СССР. 1927. Сер. 6. Т. 21. С. 425—432.

⁷⁵ О связях византийской и западноевропейской науки см.: *Thurndike L. Relation between byzantine and Western Science and Pseudo-Science before 1350* // *Janus*. 1964 Vol. LI, N 1. P. 1—48.

⁷⁶ *Anastos M. Pletho, Strabo, Columbus* // *Annales de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientale et slave*. 1953. Vol. XII. P. 15.

⁷⁷ *Vranoussis L. L'hellenisme postbyzantin et l'Europe*. Manuscrits, livres, imprimeries. Athènes, 1981.

¹ Опубл.: *Novaković S. Odlomi srednjekovne kosmografije geografije* // *Starine*. 1884. Т. 16. С. 41—56. О Константине Костенечском см.: *Дуйчев И. За книжовното творчество на Константин Костенечки* // *Известия на института за българска литература*. С., 1954. С. 223—231.

² *Diller A. The Tradition of Stephanus Byzantius* // *Transactions of American Philological Association*. 1938. Т. 69. P. 338—348.

³ Подробнее о космографических и географических взглядах Никифора Влеммида см. в гл. 2.